

Грэм Макнилл

Он должен быть кроток сердцем, но крепок рукой,

Свирепым в бою и преданным родине,

И славным путем идти.

Он должен беречь свою честь,

Изгнать страх из деяний,

И прославить свой дом.

Его долг служить Императору,

Защищать Империум.

Таковы законы истинного рыцаря.

Рыцарский долг, Аквитаниус Мэлори Кадмус, М31

Заставлять детей плакать, было священным долгом Раюма Бартаума. Их рыдания и всхлипы служили ему мерилем качества его работы. Стенания девятилетнего ребенка, со слезами пытающегося окоченевшими пальцами перезарядить автоган, были музыкой для его ушей.

Это был звук учебы, звук получения жизненно важного опыта.

— Дайте мне ребенка, и я сделаю из него мужчину. — было его любимой фразой, когда добродетельная знать, высказывала брезгливость по отношению к его методам.

Оставь вдохновляющую чушь Кайтейну. Призвание же Раюма как аббата-инструктора, было напугать к чертовой матери каждого прогена, попавшего в школу Викара.

А напугать их было не так уж и сложно.

Все-таки, Империя это очень пугающее место.

Даже закаленный гвардеец испытывает ужас перед ним, какого же тогда было ребенку, потерявшему родителей или насилу отлученного от них, оказаться за мрачными, гранитными стенами схолы.

Однажды он покажет им, насколько ужасна галактика, и научит быть еще хуже. Он научит их быть сильнее того что хочет их убить. Он научит их сражаться.

Да, напугать новобранца легко, но что бы он не рассказал им о кровожадных ксеноформам, предателях или порождений варпа, ничто не напугает их так же сильно, как вид своего собственного ужаса.

Раум Бартаум был в ужасе, потому что знал, что грядет.

Кибернетический протез, заменявший ему одну руку, и пластина из адамантия ставшая частью его изрытого оспинами черепа, служили мрачным напоминанием, насколько плохо могут пойти дела.

Двор схолы, размером с хороший полковой плацдарм, был основным шесть дней в неделю, шел ли дождь, снег или палило солнце. Набор тяжелых бронетранспортеров, наземных машин, разукomплектованных «Химер» для тренировок, неслись на полной мощности через ворота Проксимус. Медленные, шумные штуковины, неспособные ехать достаточно быстро, чтобы уйти от наступающего врага.

Глухой звук взрывов доносился из-за пределов стен схолы, скачущее эхо сбивало с толку, делало невозможным определить откуда именно доносится звук. Раум слышал стрекотание легкого ручного оружия, тяжелое буханье артиллерии и характерный звук умирающих солдат.

Двадцать лет прошло с тех пор, как Раум ступал по настоящему полю боя, пятнадцать, когда он последний раз слышал скрежещущее завывание этого противника.

То были звуки, которые никогда не забудешь; звуки способные загнать заслуженного ветерана в холодный пот и заставить проглотить ствол своего болт-пистолета.

Едва одетые, неуклюже похватавшие свои винтовки, дети выбежали из келий схолы. Самым младшим едва исполнилось шесть, старшие же подходили к своему совершеннолетию.

И каждый из них шел сегодня на смерть.

Они вздрагивали от падений артиллерийских снарядов в глубине города, и в ужасе смотрели на поднимающиеся вдалеке столбы черного дыма.

Соратники Раюма гнали свои отряды прогено к ожидающим транспортникам. Закаленные войной голоса кричали на молодняк; голос, привыкший кричать на учебных плацах, звучал отчетливо даже сквозь звон колоколов схолы и улюлюканье сирен, орущих из-за городских стен Викары.

Новобранцев подгоняли самой отборной руганью, подобную которой Раюм слышал разве что в катаканском публичном доме, тем, кто отставал отвешивались пинки. Его собственный отряд уже следовал за ним, не отставая ни на шаг. Как и в первый свой день здесь, большинство громко рыдало в страхе. Другие были слишком напуганы, чтобы даже заплакать.

Они стали хорошей группой; как мягкая глина они размяты и вылеплены в то, что, он надеялся станет отличными бойцами, политиками, генералами или инквизиторами Империума. Но сперва они ненавидели его; ох, как сильно они его ненавидели.

Двое из них даже пытались его убить.

Теперь же они уважают его. Они выросли и увидели кем они стали, с благодарностью понимая, что он сделал для них. Раюм взглянул вверх, когда эскадрилья воздушных судов прорычала над головой. Слишком быстро, чтобы понять какие именно. Скорее всего «Молнии», истребители, это означает что враг уже совсем близко.

— Поторапливайтесь, черт вас дери! — кричал он, надеясь, что строгий тон скроет страх в голосе. Он отстегнул откидной борт первого транспортника. Что-то взорвалось за пределами стен схолы. Зеленоватый огненный шар, расцветил небеса.

Дети вскарабкались на борт, старшие помогали младшим. Раюм был доволен их дисциплиной. Страх был, без сомнения, но не паника.

— Они придут спасти нас? — спросил Морлей, перспективный молодой парень с худым лицом и потенциалом к лидерству.

— Спасти нас? — резко ответил Раюм, меняя свой страх на властный лай. — Не будь тряпкой парень. Почему лорд Оуден должен посылать солдат спасать наши жалкие задницы, когда у него война кругом? Каждый гвардеец с оружием будет направлен на стены.

— Никто не придет? — сказала девочка с песчаными волосами по имени Лорза.

Твердо и без сомнений, если бы она не сделала стрижку для тренировок на дознавателя, Раюм возмутился бы. Прямо сейчас она выглядела как напуганный десятилетний ребенок

— А почему они должны? Мы — кучка недоученых сирот и калек, мы не представляем ценности. Мы — голодные рты, мертвый груз, — сказал Раюм, повышая голос что бы услышали все, — так что если они не будут спасать нас, мы должны сделать это сами, верно? Мы

удержим великие традиции Схолы Викара на конце лазгана и на острое боевого ножа.

Молодняк одобрительно воскликнул, но старшие видели сквозь его бравату.

Как только последний прогена зашел на борт, Раюм с грохотом захлопнул борт, вставил закрывающий штифт на место и хлопнул по корпусу машины.

— Все на борту!

Дальняя стена схолы затряслась, как будто что-то гигантское ударилось об нее. Тяжелые блоки покатались по плацдарму, трещины раскололи каменную кладку снизу-вверх.

— Вперед! — крикнул он, и транспортник изрыгнул смрадное облако выхлопа, зарываясь колесами в гравий. В тоже время Раюм услышал бешенный скрежет тысяч бритвенно-острых когтей по камню.

Бурлящий и вопящий прилив шипящих убийц волной перевалил через стену. Орда существ, закованных в хитиновые пластины, блестящей органической брони, вооруженные бритвенно-острыми конечностями, клацали челюстями полными иглоподобных зубов, раздвоенные языки жадно пробовали воздух, черные, мертвые глаза, зловеще сверкали на гладких продолговатых черепах.

Хормагаунты, вспомнил Раюм. Вот как мы их называем.

Он слышал лай команд, но они приходили как будто издалека, смутные и медлительные, как в кошмарном сне. Оружейный огонь хлестал по стене, взрывая ораву этих тварей как гнойные волдыри.

Но этого недостаточно: они прибывали сотнями, тысячами. Затем стена затряслась и обрушилась, под натиском нечто более ужасного.

Раюм не знал, как назвать это. Огромный колосс, с сегментированным туловищем, низко пригнул череп-таран, когда пробивал стену. Ростом выше пяти сильных мужчин, конечности-комбинированный кошмар биоинженерии, сочащийся тягучими жидкостями. Едкая слизь покрывала его титанические ноги, когда он пробил путь внутрь. Его грудь исходила спазмами сокращений межреберных мышц, выпуская тысячи хитиновых шипов словно пули. Три грузовика изрешетило так, словно по ним прошли из осадного орудия.

Юные тела выпадали на плац разорванные и кричащие. Одна «Химера» взорвалась, когда сгусток коррозионной биокислоты прошел сквозь ее броню. Несколько несчастных фигур выкатились из обломков, их плоть таяла и стекала с костей.

Группы роящихся чужеродных существ мчались по плацу, подгоняемые биологическим

стремлением рвать и убивать, перескакивали друг через друга, стремясь утолить неутолимый голод, сводивший их с ума.

Колосс наконец прорвался через обрушенную стену. Пара крючковатых лезвий, по меньшей мере два метра длиной, вылезли из мясистых складок плоти на плечах. Все еще пригибая заостренную морду, чудовище наступало в окружении тварей поменьше.

Раюм вытащил свой болт-пистолет, теперь он не аббат-инструктор, теперь он солдат Имперской Гвардии.

— Во имя Викары! — выкрикнул он и опустошил обойму.

Десять выстрелов, каждый нашел цель. Не достаточно что бы хоть что-то изменить, но когда это имело значение для одного из избранных Императора?

Затем, передняя линия роя исчезла в оглушающем реве взрывов. Сокрушающий огненный шторм прошелся по визжащим монстрам, истребляя их в большом количестве. Раюм отпрянул назад от подавляющего шума, ощущая ударные волны снарядов большого калибра, пролетающих так близко. Он припал к земле, когда что-то огромное прошло мимо него, возвышающееся и монструозное, гигант из адамантия и ярости. С громыхающей пушкой и ревущим цепным мечом на месте рук, он был облачен в доспех цвета холодного зимнего неба и черными шевронами в янтарную полосу. Яркое знамя, развевавшееся с его левого плеча, несло изображение вставшим на дыбы единорогом.

Гигант широко расставив ноги, издал вызывающий клич, безжалостно выпуская из гигантского орудия очередь снарядов в вопящий рой. Твердотельные осадные снаряды, прорезались через орду, уничтожая то, что осталось в живых после скоростного артобстрела.

Атакующий колосс распахнул усеянную клыками пасть и издал рев, определяя противника как достойного его внимания.

Бронированный гигант издал ответный пронзительный вопль, и приготовил длинное цепное лезвие к атаке. Горячие испарения за клубились от пришедших в движения острых зубьев. Монстр изрыгнул зеленый огонь, но гигант отразил его невидимым энергетическим щитом.

Они сошлись в сокрушающем ударе, потрясшем весь плац своей яростью. Гигант взмахнул гигантским мечом, и зверь упал на колени, лишившись большей части своего корпуса.

Ядовитое облако перемолотой чужацкой плоти распылилось из встроенных зубов лезвия, когда зверь упал вперед. Его конечности барахтались, пытаясь поднять разрубленное туловище, все еще подгоняемое монструозной волей убивать.

Оно взывало от боли и ужасного аппетита.

Бронированный гигант, сотрясающим ударом ноги сокрушил массивный череп чудовища, одновременно поливая стабберным огнем, новые группы мелких тварей, прибывающих из пролома в стене. Горн гиганта издал громогласный звук, распознанный Раюмом как приказ отступать в укрытие.

Раюм уличил момент отсалютовать гиганту перед тем как взобраться в кузов транспорта. Водитель нажал на гашетку, и ворота Проксимус пронеслись мимо. Раюм бросил взгляд на гиганта, его белый штандарт был заляпан кровью ксеноса, затем они повернули за угол, и он скрылся из виду.

Раюм опустил за откидной борт и навалился на него.

— Что во имя задницы Оудена это было? — спросила Лорза, ошеломленная от страха и удивления.

— Я никогда не видел ничего подобного, — сказал Морлей.

Раюм мгновение переводил дух.

— Это, мой мальчик, — сказал Раюм, — был Рыцарь.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/666191>